

Ремень холщовой сумки больно впивался в плечо. Су Няньань стоял в прихожей виллы семьи Су, пальцами сжимая край выстиранной до белизны рубашки, и не смел даже поднять голову на сидевших в гостиной людей.

В воздухе витал лёгкий аромат чая — любимого Ду Мэй лунцзина, собранного до сезона дождей. За все годы в доме Су Няньань лишь однажды издали почувствовал этот запах — на Новый год, когда у Ду Мэй было особенно хорошее настроение.

Сейчас чайный аромат смешивался с гнетущим холодом гостиной, щекотал ноздри и заставлял всё его тело невольно напрячься.

Семья Су считалась в городе довольно заметной — не из самых влиятельных, но всё же достаточно обеспеченной, чтобы придавать большое значение происхождению и внешней респектабельности.

Полмесяца назад из семьи Лу, с которой Су были связаны брачной договорённостью, неожиданно пришла новость: глава семьи Лу, Лу Чжиянь, после несчастного случая лишился возможности ходить и теперь должен был всю жизнь провести в инвалидном кресле. Говорили, что характер у него тоже стал жестоким и мрачным, а прислуга рядом с ним сменилась уже несколько раз.

Изначально в семью Лу должен был выйти замуж законный сын семьи Су — Су Няньцзэ.

Су Няньцзэ с детства носили на руках и баловали. Услышав, что ему предстоит выйти за калеку, да ещё и с отвратительным характером, он тут же объявил голодовку и заперся в комнате, отказываясь выходить.

Глава семьи Су, Су Хунмин, несколько раз его отругал, но мать Су Няньцзэ, Ду Мэй, с плачем и криками встала на защиту сына. В итоге взгляды всей семьи разом обратились к нему — незаконнорождённому сыну.

Мать Су Няньаня когда-то служила в доме Су и умерла при родах. За двадцать лет, проведённых здесь, он жил словно невидимка.

Ел холодные остатки с кухни, носил старую одежду, из которой вырос Су Няньцзэ, а его комнатой была крохотная каморка, переделанная из кладовой в самом дальнем углу виллы: зимой там гулял ветер, летом стояла духота.

Никого не волновало, сыт ли он. Никому не было дела, счастлив ли он. Даже о его дне рождения никто и никогда не вспоминал.

Поэтому, когда Су Хунмин бросил перед ним брачный договор, у Су Няньаня не было ни малейшей возможности отказаться.

— Няньань, семья растила тебя столько лет. Пришло время и тебе сделать что-нибудь для семьи Су.

Су Хунмин сидел на кожаном диване, постукивая пальцами по столу. В его голосе не было ни капли тепла.

— Лу — одна из самых влиятельных семей. Даже если ты отправишься туда просто как украшение при Лу Чжияне, всё равно это лучше, чем торчать в доме Су. Запомни: веди себя смирно, знай своё место и не навлекай неприятностей на семью. Иначе сам знаешь, что будет.

Ду Мэй сидела рядом с чашкой чая в руках. Она окинула его взглядом, и на губах её появилась ничем не прикрытая брезгливость.

— Всё равно ты из тех, кого в приличном обществе не покажешь. Лу Чжияню как раз подойдёшь. В его нынешнем виде он и сам нашего Няньцзэ не достоин. А вы с ним — отличная пара.

Су Няньцзэ выглянул из-за лестницы. В его глазах читалось злорадство и облегчение — хорошо, что на заклятие отправляют не его.

Никто не спросил Су Няньаня, согласен ли он. Никто не спросил, боится ли он. В брачном договоре уже стояло его имя, а машина семьи Лу ждала у ворот. Водитель нетерпеливо посигналил, и резкий звук больно резанул слух.

Су Няньань вернулся в комнату собрать вещи. Всё его имущество состояло из нескольких смен одежды, старого фотоальбома, оставшегося от матери, и кружки с оббитым краем.

Он сложил всё в холщовую сумку и перекинул её через плечо. Сумка почти ничего не весила, но почему-то давила так, что становилось трудно дышать.

Когда он вышел из комнаты, проводить его не пришёл никто.

Су Хунмин читал документы, Ду Мэй листала что-то в телефоне, а Су Няньцзэ давно вернулся к себе.

Двери виллы были распахнуты настежь. Внутри ворвался холодный ветер, и Су Няньань невольно вздрогнул. словно ненужную старую вещь, которую решили выбросить, слуги подтолкнули его к машине.

Когда автомобиль покинул жилой квартал семьи Су, он обернулся. Чёрные кованые ворота медленно закрывались, навсегда отсекая двадцать лет его унижительной и подавленной жизни.

Он не испытывал ни сожаления, ни привязанности — лишь пустоту человека, которого окончательно бросили.

Су Няньань давно знал: для семьи Су он никогда не был родным. Всего лишь пешкой, которой в любой момент можно пожертвовать, чтобы отвести беду от остальных.

Машина ехала почти час и остановилась перед огромной виллой.

Если дом Су выглядел изящно, то резиденция Лу поражала холодной монументальностью: чёрно-бело-серые тона, огромные стеклянные фасады, даже зелень у входа была подстрижена идеально ровно. От всего здесь веяло отчуждением, словно само место предупреждало чужих держаться подальше.

Ничто не напоминало о свадьбе. Ни красных лент, ни иероглифов счастья. Стояла пугающая тишина.

У входа ждал седовласый пожилой дворецкий в безупречно сидящем чёрном костюме. Он без всякого выражения посмотрел, как Су Няньань выходит из машины.

— Господин Су, идите за мной.

Голос старого дворецкого звучал ровно. Он развернулся и быстро пошёл внутрь, так что Су Няньаню пришлось почти бежать следом.

Внутри вилла была роскошной до крайности, но холодной, как ледник. Пол из отполированного мрамора охлаждал ступни, на стенах коридора висели абстрактные чёрно-белые картины, и нигде не чувствовалось ни капли домашнего тепла.

Слуги ходили, опустив головы и ступая почти бесшумно. Даже дышать старались тише — очевидно, хозяин дома держал всех в таком страхе, что никто не смел издать лишнего звука.

Дворецкий отвёл Су Няньаня в гостевую комнату в самом дальнем конце второго этажа и открыл дверь. Обстановка внутри была до смешного простой: односпальная кровать, старый шкаф и небольшой письменный стол. На фоне роскоши всей виллы комната выглядела почти чужеродно.

— Господин Лу распорядился, чтобы пока вы жили здесь, — спокойно сообщил дворецкий, стоя в дверях. — Господин Лу человек холодный и не любит шума. Ведите себя тихо, занимайтесь своим делом, без нужды не показывайтесь ему на глаза и не расспрашивайте о том, о чём вам знать не положено.

Су Няньань кивнул и едва слышно ответил:

— Я понял.

Дворецкий больше ничего не сказал. Он повернулся и прикрыл дверь. Щелчок был тихим, но Су Няньань почудилось, будто на него опустился засов, запирающий в этом незнакомом ледяном месте.

В комнате было так тихо, что слышался шелест листьев за окном.

Су Няньань положил холщовую сумку на кровать, сел на край и кончиками пальцев провёл по холодной простыне.

Он поднял глаза к окну. Сад семьи Лу был огромным, но казался совершенно безжизненным — как сама вилла, как живущие здесь люди, словно покрытые толстым слоем льда.

Он не знал, что за человек Лу Чжиянь. Слышал лишь, что после травмы тот стал крайне вспыльчив: бил слуг, постоянно что-то разбивал, а по слухам, однажды выгнал человека, который его разозлил, из дома Лу и разрушил тому репутацию.

Су Няньань был всего лишь незаконнорождённым сыном, которого семья Су выбросила за ненадобностью. Ни власти, ни поддержки. Мягкий характер, страх даже говорить громко. Нетрудно было представить, что ждёт его после брака с таким человеком и жизни в этом доме.

Он подтянул колени и уткнулся лицом в них. Не плакал — просто внутри было пусто, будто из груди вырезали кусок. С детства он привык терпеть, привык к равнодушию и привык прятать все чувства глубоко внутри.

Но теперь его словно сбросили в бездонную пропасть, где не видно ни единого луча света.

Он не знал, сколько просидел так, пока живот не заурчал от голода. Только тогда он вспомнил, что с самого утра ничего не ел.

В гостевой не было ни воды, ни еды. Выйти и поискать что-нибудь он не решался, поэтому лишь свернулся на кровати и бездумно смотрел в потолок.

За окном постепенно стемнело. На вилле Лу зажглись лампы. Тёплый жёлтый свет проникал в комнату, но не мог согреть его ни на каплю.

Су Няньань понимал: с той минуты, как он переступил порог дома Лу, его жизнь окончательно превратилась в ловушку, из которой он не мог выбраться по собственной воле.

Он был ненужным сыном семьи Су, украшением семьи Лу и человеком, которому не принадлежала даже собственная судьба.

<http://bllate.org/book/20587/2058857>